

На правах рукописи

МИРОНОВ Алексей Владимирович

ВЛАДИМИР НАРБУТ: ТВОРЧЕСКАЯ БИОГРАФИЯ

Специальность 10.01.01 – русская литература

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Екатеринбург 2007

Диссертация выполнена на кафедре русской литературы XX века
ГОУ ВПО «Уральский государственный университет им. А. М. Горького».

Научный руководитель: доктор филологических наук,
профессор Быков Леонид Петрович

Официальные оппоненты: доктор филологических наук,
профессор Спивак Рита Соломоновна
ГОУ ВПО «Пермский государственный
университет»

кандидат филологических наук,
доцент Рогачева Наталья Александровна
ГОУ ВПО «Тюменский государственный
университет»

Ведущая организация: ГОУ ВПО «Воронежский государственный
университет»

Защита диссертации состоится «13» ноября 2007 года в 11 часов на заседании диссертационного совета Д 212.286.03 при ГОУ ВПО «Уральский государственный университет им. А. М. Горького» по адресу: 620083, г. Екатеринбург, К-83, пр. Ленина, д. 51, комн. 248.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке ГОУ ВПО «Уральский государственный университет им. А. М. Горького».

Автореферат разослан

« 9 » октября 2007 г.

Ученый секретарь

диссертационного совета

доктор филологических наук, профессор

М. А. Литовская

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Историческое, культурное и духовное пространство серебряного века русской поэзии уникально по степени влияния на отечественное философское и эстетическое сознание. Поэтический ренессанс начала XX века ознаменовал собой переход к новому восприятию бытия, к основательной реорганизации художественного миропонимания. Эпоха рубежа, кризиса, вызывающая к открытию мира заново, стимулировала невиданную энергетическую волну поэтической мысли, направленной на поиск новой гармонии с миром.

Возрождение культуры стиха на качественно ином уровне поэтической интенции привело к формированию художественно-философских направлений, развивающихся в полемической атмосфере притяжения и отталкивания. Изучение этого сложного и неоднозначного процесса позволяет определить эволюцию культурно-эстетических и философских взглядов, оказавших огромное влияние на развитие художественной и научной мысли XX столетия.

Стремление коренным образом воздействовать на мироустройство культурной и социально-политической жизни общества посредством поэтического слова ставит перед художником особые задачи. Его творческий потенциал реализуется в глубоком единстве личных жизненных установок и художественного осмысления бытия как откровения. Это приводит к тому, что значимые, а подчас и второстепенные перипетии судьбы писателя проецируются на его творчество, в котором находит отражение художественное сознание времени, а также аккумулируются наиболее важные и актуальные свойства целой историко-культурной эпохи.

На сегодняшний день житетворчество первостепенных представителей русской поэзии первой трети XX в. (А. Ахматовой, А. Белого, А. Блока, В. Брюсова, М. Волошина, Н. Гумилева, С. Есенина, О. Мандельштама, В. Маяковского, В. Хлебникова, М. Цветаевой) изучено достаточно широко. При этом остается гораздо менее освещенным творчество отдельных писателей, оказавших заметное влияние на формирование художественного созна-

ния и языка эпохи, но в силу некоторых обстоятельств очутившихся на периферии культурной памяти. Объективная картина историко-литературного процесса оказывается неполной без исследования художественного наследия этих писателей. Именно поэтому **актуальным** представляется обращение к фигуре Владимира Нарбута, чья личность вызывала у современников неоднозначное чувство – восхищения, смешанного с неясным трепетом перед его «глухой, медвежьей, черноземною судьбой».

Владимир Иванович Нарбут (1888–1938) – один из тех поэтов, судьба и творчество которых таят немало невнятных. Не все известно, не все понятно, многое не разъяснено. Его жизнь была овеяна мрачными и загадочными легендами, порой фантастически искажавшими реальные факты. «Отрубленная» кисть левой руки, хромота, заикание, демоническая внешность, мелодично-корявые стихи, необычайным образом соединяющие в себе прекрасные и безобразные явления жизни, скандальные истории из области его издательской деятельности, неожиданный отход от стихов к административно-организационной работе и стремительный карьерный рост, неясные обстоятельства гибели – все это в сумме и порождает образ падшего ангела-поэта, радостно и трагически принимающего этот мир «во всей совокупности красот и безобразий» (С. Городецкий).

Исходя из литературного наследия Нарбута и воспоминаний о нем, можно понять этот мифологизированный образ поэта. Но каковы корни его происхождения? На какой почве вырастает он? Какова философская основа Нарбута-поэта? Какое влияние оказал он на литературный процесс? В чем, наконец, показательность этой судьбы?

Отсутствие подробной творческой биографии писателя и последовательного рассмотрения эволюции его поэтической системы обусловило наш интерес к данной теме.

История вопроса.

Акмеистическая поэтика в отечественных и зарубежных исследованиях о серебряном веке изучена весьма основательно. Особую роль здесь сыграли

статьи и публикации Н.А. Богомолова, Л. Г. Кихней, О. А. Лекманова, О. Ронена, Д.М. Сегала, Р.Д. Тименчика, В.Н. Топорова. С первой же значительной работы об акмеистах, написанной В. М. Жирмунским, повышенное внимание в последующих исследованиях уделяется поэтике Н. Гумилева, О. Мандельштама, А. Ахматовой. При этом творчество представителей натуралистического крыла акмеизма (С. Городецкого, М. Зенкевича, В. Нарбута) изучено не столь подробно.

Попытки систематизации сведений о жизни и творчестве Нарбута предпринимались неоднократно. Несмотря на то, что реабилитация репрессированного поэта состоялась в 1956 г., имя Нарбута, по сути, так и оставалось табуированным для «легального» литературоведения. Осторожная попытка М. Зенкевича в 1967 г. вернуть «широкому читателю» «творчество этого самобытного большого поэта» оказалась безуспешной.

Единственными источниками упоминания о поэте становятся отрывочные сведения, зафиксированные в мемуарно-очерковых записях Г. Иванова, К. Л. Зелинского, М. Зенкевича, В. Катаева, Н. Я. Мандельштам, Ю. Олеси, К. Паустовского.

Пионером в изучении истории творческой биографии Нарбута является Л. Н. Чертков (1933–2000), реализовавший так и неосуществившийся замысел самого поэта объединить под одной обложкой стихи, начиная с первой книги и до последних изысков в жанре научной поэзии. Вышедший в 1983 г. в Париже том избранного Л. Чертков сопровождает статьей о творческом пути Нарбута, ставшей первым исследованием о поэте¹. Важно отметить, что в работе над очерком и составлении сборника Л. Черткову помогала жена Нарбута Серафима Густавовна и его друг М. Зенкевич.

Постепенное официальное «возвращение» Нарбута в Россию произошло лишь в перестроечную эпоху. К столетию поэта (1988) статьи о нем и подборки стихов опубликовали В. Лавров, Л. Озеров, Р. Тименчик.

¹ Нарбут В. Избранные стихотворения / Подготовка текста, вст. статья и прим. Леонида Черткова. – La presse Libre, Paris, 1983. – 256 с.

В 1990 г. появляются сразу две работы, представляющие вариант развернутой творческой биографии Нарбута. Статья Т. Р. Нарбут (внучки поэта) и В. Н. Устиновского тяготеет к жанру биографического описания, не претендующего на исследовательский характер². Здесь важную роль играет стремление составить представление о личности Нарбута и основных этапах его жизненного пути. При этом заметны склонность авторов к умолчанию о некоторых сложных моментах биографии поэта и желание скрасить их путем оправдательных трактовок.

Второе исследование творческого наследия Нарбута начала 90-х гг. XX в. было выполнено Н. Бялосинской и Н. Панченко³. Проведя тщательную работу с архивом В. Шкловского, включающим в себя достаточно объемный рукописный фонд Нарбута, исследователи составили и выпустили первое российское издание стихотворений поэта, снабдив его весьма основательной вступительной статьей биографического и литературоведческого характера. При этом они опирались на разработки итогового сборника «Спираль», который Нарбут готовил к выпуску в 1930-е гг. Именно на это на сегодняшний день наиболее полное издание стихотворений Нарбута мы и ориентируемся в своем исследовании.

Важно, что Н. Бялосинская и Н. Панченко попытались сохранить структуру «Спирали», воспринимая данные архива Шкловского как последнюю творческую волю поэта. Единственным недочетом здесь можно считать смешанную в рамках разделов подачу разновременных редакций поэтических текстов. Это обусловлено проводимой Нарбутом с 1922 г. неоднократной правкой дореволюционных текстов. Поэтому, чтобы выявить последовательность творческой эволюции поэта и сохранить историческую объективность, нам пришлось прибегнуть к использованию прижизненных изданий Нарбута,

² Нарбут Т. Р., Устиновский В. Н. Владимир Нарбут // Ново-Басманная, 19. – М.: Худож. лит., 1990. – С. 313–329.

³ Нарбут В. И. Стихотворения / Вступ.статья, сост.и примеч. Н. Бялосинской и Н. Панченко. – М.: Современник, 1990 а. – 445 с. – (Феникс. Из поэтического наследия XX века).

а также к более поздним публикациям, сохранившим изначальную редакцию текста⁴.

Кроме указанных исследований в последнее десятилетие XX в. в биографических справочниках появился ряд словарных статей о Нарбуте, выдержанных как в информативно-описательном, так и в подробном библиографическом стиле⁵. Помимо обзорных статей необходимо указать и работы, характеризующие отдельные этапы биографии Нарбута: ранний петербургский, воронежский, одесский, колымский периоды⁶.

В нашем исследовании учтена представляющая особый интерес реакция критики на поэтические книги Нарбута, относящаяся к первой четверти XX века. Рецензии, отзывы и статьи той эпохи позволяют определить место поэта в контексте литературной среды, понять тенденции и противоречия, оказавшие влияние на его творческое поведение.

Наиболее полемичной, временами субъективной, но исторически правомерной оказалась критика 1910–1913 гг. В первое же десятилетие советской власти литературная общественность, восторженно принимая плотность и натуралистичность нарбутовского стиха, ожидала от поэта идейной перековки⁷. Но после «административного» падения Нарбут становится объектом жесточайшей критики. В зависимости от «текущего момента» его упрекают

⁴ Например, к двухтомному сборнику «Русские поэты «серебряного века»», составленному Н. Ю. Грякаловой, где приводится первая редакция стихов из книги Нарбута «Аллилуйя».

⁵ Богомолов Н. А. [Нарбут] // Русские писатели. Библиограф.слов. в 2 ч. Ч. 2. М–Я / Под ред. П. А. Николаева. – М.: Просвещение, 1990. – С. 62–63; Бавин С. Владимир Нарбут // Бавин С., Семибратова И. Судьбы поэтов серебряного века: Библиогр. очерки. – М.: Кн. палата, 1993. – С. 322–326; Зобнин Ю. В. [Нарбут] // Русские писатели, XX век. Биобиблиогр. слов.: В 2 ч. Ч. 2. М–Я / Под. ред. Н. Н. Скатова. – М.: Просвещение, 1998. – С. 85–87; Тименчик Р. Д. [Владимир Нарбут] // Русские писатели. 1800–1917: Биограф. словарь. / Гл. ред. П. А. Николаев. – М.: Большая Российская энциклопедия. – (Русские писатели 11–20 вв.). Т. 4: М. – П. – 1999. – С. 227–230.

⁶ Тименчик Р. Д. Блок и литераторы. I. Блок – советник студенческого журнала // Лит. наследство. Т. 92. Александр Блок. Новые материалы и исследования. Кн. 4. – М.: Наука, 1987. – С. 546–549; Крюков А. Редактор провинциального журнала // Нева. – 1984. – № 2. – С. 197–198; Берловская Л. В. Владимир Нарбут в Одессе // Русская литература. – 1982. – № 3. – С. 196–201; Бирюков А. М. «Считать умершим от сердечной недостаточности...» // Бирюков А. М. Последний Рюрикович: Истории, очерки. – Магадан: ГОБИ, 1991. – (Особый остров). – С. 18–46; Тименчик Р. Д. Русский поэт Владимир Нарбут // Распятые: Писатели – жертвы политических репрессий. Вып. 5. Мученики террора. – СПб.: Русско-Балтийский информационный центр БЛИЦ, 2000. – С. 155–156.

⁷ Городецкий С. Обзор областной поэзии // Красная новь. – 1921. – № 4. – С. 278–284; Зенкевич М. Владимир Нарбут. Плоть. Быто-эпос. Одесса. 1920. 32 стр. // Культура (Саратов). – 1922. – № 1. – С. 6; Гусман Б. 100 поэтов. Литературные портреты. – Тверь: Октябрь, 1923. – С. 180–182.

то в отвлеченности от «классовой борьбы», то в формализме, то в «антисоциально заостренном» натурализме, то в псевдолитературности⁸.

История современных литературоведческих исследований, рассматривающих своеобразие поэтики Нарбута, ограничивается последними двумя десятилетиями. Авторы этих работ уделяют внимание жанровым проблемам творческого наследия поэта, определению основного корпуса текстов Нарбута и литературы о нем, формированию и развитию идейно-образной парадигмы его лирики⁹.

Особый интерес представляют попытки сравнительно-исторического, контекстуального и культурно-этнографического анализа поэтических книг и отдельно взятых стихов Нарбута. Заслуживают особого внимания статья О. Лекманова, посвященная поэтике книги «Аллилуйя», исследование Н. Богомолова, выявляющее аспекты взаимовлияния Нарбута и футуристов, а также работа Н. Рогачевой, определяющая своеобразие мифопоэтики Нарбута¹⁰. Стоит указать и на стремление современных исследователей обозначить место поэта в историко-культурном контексте и осмыслить литературную функцию его поэтики¹¹.

К сожалению, общий объем трудов, посвященных жизни и творчеству В. Нарбута весьма мал. Все они преимущественно имеют характер развернутых статей, выявляющих динамику творческого развития поэта, своеобразие

⁸ З.-М. [Захаров-Мэнский Н.] Нарбут // Литературная энциклопедия в 11 т.: Т. 7 / Ком. Акад.; НИИ лит. и искусства. – М.: ОГИЗ РСФСР, гос. словарно-энцикл. изд-во "Сов. Энцикл.", 1934. – Стб. 588; Кирпотин В. Литература и советский народ // Октябрь. – 1936. – № 6. – С. 214; Михайловский Б. В. Русская литература XX века (с девяностых годов XX века до 1917 г.). – М.: Изд-во Наркомпроса РСФСР, 1939. – С. 343; Волков А. А. Знаменосцы безыдейности. (Теория и поэзия акмеизма) // Звезда. – 1947. – № 1. – С. 179–181.

⁹ Померанцев И. Духовная поэзия Владимира Нарбута // Новый журнал. – 1990 (Нью-Йорк). – Кн. 212. – С. 106–108; Тименчик Р. Д. К вопросу о библиографии В. И. Нарбута // De visu. – 1993. – № 11 (12). – С. 55–58; Пустильник Л. «Для меня мир всегда был прозрачной воды...» Владимир Нарбут. Стихи и письма // Арион. – 1995. – № 3. – С. 39–44; Петров И. Поэтика «адамизма». (Лирика М. Зенкевича и В. Нарбута) // Русская литература XX века: направления и течения. – Вып. 4. – Екатеринбург, 1998. – С. 28–38.

¹⁰ Лекманов О. О книге Владимира Нарбута «Аллилуйя» // Новое литературное обозрение. – 2003. – № 63. – С. 105–122; Богомолов Н. А. «Дыр бул щыл» в контексте эпохи // Новое литературное обозрение. – 2005. – № 72. – С. 172–192; Рогачева Н. А. Мифологические мотивы в поэзии Владимира Нарбута // Художественная литература, критика и публицистика в системе духовной культуры: Сборник статей. Вып. 6. – Тюмень: Издательство Тюменского государственного университета, 2005. – С. 79–86.

¹¹ Беспрозванный В. Владимир Нарбут в восприятии современников // НЛЮ. – 2005. – № 72. – С. 193–206; Кукулин И. История пограничного языка: Владимир Нарбут, Леонид Чертков и контркультурная функция // Новое литературное обозрение. – 2005. – № 72. – С. 207–223.

его стиля и языка. В нашей работе предпринимается первая попытка целостного рассмотрения творчества В. Нарбута в его связи с биографией и личностью писателя.

Цель исследования состоит в том, чтобы представить эволюцию творчества В. Нарбута в биографическом и историко-литературном контексте. Для достижения цели необходимо решить следующие **задачи**:

– реконструировать этапы жизненного и творческого пути В. Нарбута, обобщив доступные нам материалы биографических исследований о поэте с учетом имеющихся документальных и мемуарных свидетельств;

– опираясь на современные издания художественных произведений поэта, а также на его непереизданные публикации в дореволюционной периодике, проследить эволюцию поэтической системы В. Нарбута;

– определить культурно-философские и эстетические ориентиры В. Нарбута, полагаясь на динамику развития тематических и образных парадигм его поэзии;

– определить место Нарбута в историко-литературном процессе первой трети XX в. в России.

Для решения поставленных задач в исследовании использовалась соответствующая **методология**, реализованная в историко-литературном и сопоставительном видах литературоведческого анализа. Принципы конкретно-исторического и системно-типологического подхода к творчеству Нарбута позволяют определить процесс формирования и развития идейно-образных и тематических связей, вырабатывающих поэтическое и философское восприятие картины жизненного мира.

На защиту выносятся следующие положения:

1. При всей близости к «цеховому» содружеству акмеистов В. Нарбут стремится к идейной обособленности.

2. Поэт приходит к натурфилософской идее жизненного равновесия, согласно которой элементы бытия постоянно разнятся и согласуются между собой.

3. Оппозиция зарождения и распада, свойственная поэтической системе Нарбута, трансформируется в оппозицию души и плоти, небесного и земного, дневного и ночного состояния мира.

4. Земная / земляная стихия становится для Нарбута первоосновой плотского бытования человека и универсальным стечением его материального и духовного начал. Поэтизация восходящей от земли энергии жизни и смерти определяет формирование концептосферы творческого наследия Нарбута.

5. Метафизическое осознание бытия, в условиях соцреализма заглушенное, но не уничтоженное, является доминирующим на протяжении всего творчества Нарбута.

6. Нарбут представляет собой тип поэта, органические особенности творческой индивидуальности которого под воздействием социальных взглядов подвергаются принципиальным метаморфозам.

Научная новизна обусловлена тем, что в работе представлена фактически первая в отечественном и зарубежном литературоведении попытка развернутой систематизации и интерпретации литературной деятельности В. Нарбута как единого процесса, отразившего драматические перипетии историко-литературных и социально-политических реалий первой трети XX в.

Практическая значимость диссертации обусловлена возможностью использования ее основных положений при чтении лекционных курсов по истории русской литературы первой половины XX в., при подготовке спецкурсов и спецсеминаров для филологических факультетов, а также в эдиционной практике.

Апробация работы.

Основные положения работы излагались в докладах на научных конференциях разных уровней: «Пушкинские чтения» (С-Петербург, ЛГОУ, 2001, 2005), «Литература в контексте современности» (Челябинск, ЧГПУ, 2002), «Изучение творческой индивидуальности писателя в системе филологического образования: наука – вуз – школа» (Екатеринбург, УГПУ, 2005), «Система и среда: Язык. Человек. Общество» (Нижний Тагил, 2005, 2007). Дис-

сертация обсуждена и рекомендована к защите на заседании кафедры русской литературы XX в. Уральского государственного университета.

Структура работы

Работа состоит из введения, двух глав, заключения, библиографии, включающей в себя 180 источников, и трех приложений.

Приложение 1 содержит полную подборку стихов Нарбута, вышедших на страницах журнала «Светлый луч» в период с 1908 по 1912 гг, а также тексты, опубликованные в других столичных журналах и газетах. Данное приложение включает в себя стихи, не вошедшие в посмертные сборники поэта и до сих пор опубликованные лишь на страницах дореволюционных изданий.

В **Приложение 2** входит письмо Нарбута С. А. Венгерову с ответом на анкету для биографического словаря современных русских писателей. Данный текст можно считать единственной доступной нам автобиографией поэта.

Приложение 3 представляет фрагменты деловой переписки Нарбута с В. В. Гиппиусом и Н. Н. Сергиевским. Их стилистика создает представление о литературно-издательской деятельности Нарбута на начальном этапе творчества.

Особенности анализируемого материала объясняют превышение нами принятого формата кандидатской диссертации (общее число страниц –). Мы сознательно пошли на подобную диспропорцию, полагая, что она обусловлена задачами исследования. Целостное рассмотрение творческой биографии рассчитано на обоюдное внимание как к весьма сложным для анализа фактам личной и общественной жизни Нарбута, так и к своеобразию его неординарного поэтического мировидения. Отсутствие основательных исследований на эту тему возложило на нас дополнительные обязанности.

СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** аргументируется актуальность темы, характеризуется степень разработанности проблемы, формулируются цель и задачи работы, обозначаются методологические принципы, определяется научная новизна, а также указываются положения, выносимые на защиту.

В **первой главе «Жизнь и творчество В. Нарбута до революции (1888–1917)»** дается характеристика наиболее активного этапа поэтического творчества Нарбута. **Первый параграф «Начальные страницы биографии»** посвящен периоду его детства и юности, атмосфере, в которой происходило становление творческой личности поэта. Особое внимание здесь уделяется бытовым, социальным обстоятельствам раннего этапа его жизни.

Начало литературной деятельности поэта связано с культурной средой Петербурга. Нарбут жаждет реализовать свои способности благодаря неуклонному стремлению к творчеству, к поиску своего поэтического слова. Его стихи появляются в журналах и газетах абсолютно разного художественного уровня и популярности. Активно сотрудничая со многими столичными журналами, Нарбут стремится расширить диапазон своей литературной деятельности: в 1910 г. он готовит к выходу первую книгу стихов и, войдя в студенческий «Кружок молодых», увлекается редакторской работой, уделяя большое внимание организации университетского журнала «Gaudeamus». рецензиями в этом издании начинается путь Нарбута-критика. Область его критических интересов – современная поэзия. Нарбут борется с «холодной риторикой», которая, загоняя читателя в «лабиринт мастерски-выточенных стихов», заменяет «чары подлинной поэзии»; в его рецензиях заметен ироничный подход к «весьма шаблонным историям» и «самым бессовестным подражаниям».

Период с 1909 по 1911 г. можно считать началом литературной деятельности Нарбута, сделавшему первые шаги на пути к своему поэтическому стилю, основанному на оригинальном сочетании неуклюжести, неправильности стиха и необычайной искренности, правдивости ощущений.

Среди участников «Цеха поэтов», к которому примыкает Нарбут, его особо выделяет подчеркнутый натурализм и откровенная физиологичность поэтического мировосприятия. Новые стихи, опубликованные в цеховом журнале «Гиперборей», и особенно выход книги «Аллилуйя» были названы «жеребьячим выпадом», который совершил «грубый, нечистоплотный и нарочитый Нарбут».

В «Аллилуйе» Нарбуту удастся развить одну из программных идей акмеистов, согласно которой необходимо реабилитировать отверженные темы и неэстетические, низкие образы. После выхода этой книги судьба поэта резко меняется: чтобы избежать года тюремного заключения за «богохульные» стихи, в октябре 1912 г. Нарбут едет в Абиссинию, откуда возвращается лишь в марте 1913 г.

Пытаясь преодолеть возникшую в связи со скандалом вокруг «Аллилуйи» табуированность своего имени, поэт выпускает третью книгу стихов «Любовь и любовь» (1913), а также становится редактором «Нового журнала для всех». Но последующий за этим эпизод с продажей журнала А. Гарязину неожиданным образом обернулся против самого Нарбута. Литературная общественность резко осудила поступок неудачливого редактора, после чего имя Нарбута фактически исчезает со страниц столичных газет и журналов. В это сложное для поэта время его не покидает идея отхода от акмеизма во имя независимости и образования своего натуралистического направления, а в недалеком будущем он заговорит о «почве для сближения» с кубофутуристами.

Петербургский период творчества позволил Нарбуту войти в ритм литературной жизни столицы. Здесь сформировались качественно новые для поэта эстетические приоритеты, появился опыт в области издательской и критической деятельности. Немалую роль на этом этапе сыграло внимание А. Блока к редакторской деятельности начинающего поэта.

Во втором параграфе «От ранних публикаций к первой книге» рассматривается весьма широкий и до сих пор полностью не установленный

круг разрозненных поэтических и прозаических публикаций Нарбута, а также образный и тематический ряд его первой книги «Стихи» (1910).

В ранних поэтических опытах Нарбут отдает предпочтение вольнолюбивым мотивам, основанным на романтической символике; мысль героя рвется на вселенские просторы, ей тесна земная повседневность. В этих стихах ощущается влияние самых разных предшественников и старших современников (Пушкина, Лермонтова, Тютчева, Надсона, Фофанова, Случевского, Апухтина, Блока, Бунина). Пейзажная лирика Нарбута условно может быть поделена на следующие группы: 1) собственно картины природы, отражающие ход календарного цикла; 2) природа как фон переживаний, связанных с мироощущением, судьбой или потерянной любовью лирического субъекта; 3) пересечение мира природного с бытовым миром человека; 3) городской пейзаж. Обращение поэта к традициям народно-христианской лирики можно отнести к сравнительно молодому образованию «новых стихов» духовной поэзии, где в центре внимания находится не канонический библейский сюжет или образ, а переживания лирического «я», ищущего веры и утешения, стремящегося к духовному преображению.

Дебютная книга «Стихи» – своеобразный творческий рубеж, с которого Нарбут начинает свою серьезную поэтическую биографию. Здесь есть место не только пейзажам (собственно природным, хуторским, усадебным, морским), но и философской тоске, и переживанию первой любви, и библейским мотивам. Жизнь в нарбутовской лирике невозможно представить без жара и чада, без дождей и гроз. Зной и влага способны одновременно и наполнять этот мир жизнью, стимулировать рождение и рост, и содействовать процессу умирания, тления. Однако первую книгу Нарбута нельзя считать собранием одних лишь лирических пейзажей. Тематическое единство здесь нарушается стремлением поэта попробовать себя в жанре новой поэзии. Своеобразная мода на декаданс, увлечение обостренным трагическим восприятием мира, основанным на мотивах безысходности, отчаяния, смертельной тоски, проникают в книгу.

Здесь Нарбут интуитивно выделяет те онтологические ориентиры, которые впоследствии лягут в основание его поэтической системы. Природа для поэта есть *средоточие жизни и смерти*. Неслучайно его вполне традиционные лирические пейзажи таят в себе ощущение насыщенности мира невероятной энергией рождения и умирания. Нарбута интересуют *процессы созревания и разложения как две потаенные стороны земного бытия*. Активно насыщаясь, развиваясь, жизнь поневоле провоцирует гибель, смерть, в то время как увядание является залогом зарождения уже новой жизни.

Став одним из акмеистов, Нарбут выведет означенный в первой поэтической книге круг проблем на другой уровень, представленный в **третьем параграфе «Философия и поэтика книги «Аллилуйя» (1912)»**. Анализ каждого стихотворения книги и развития сюжетных линий позволяет представить, как *оппозиция живущего и отмирающего* трансформируется здесь в *оппозицию души и плоти, небесного и земного, дневного и ночного состояния мира*. Развитие данных проблем в «Аллилуйе» обретет уже новую, эпатирующую форму, в которой будет ярко выражена дисгармония единства выявленных антиномий.

Поэтический мир «Аллилуйи» возникает на *стыке метафизических и реалистических явлений* земного бытия. Мозаичный орнамент книги, основанный на линейном и концентрическом принципе композиционного построения, подчеркнутая усложненность образов и языка, полисемантическая игра, образующая появление неожиданных контекстов, – все это способствует формированию единого художественного пространства, тяготеющего к поэтике барокко. *Бурлескный стиль, травестийное осмысление жизни и комическая гротескность* лишь подчеркивают сходство поэтического миропонимания Нарбута с особенностями философского мировосприятия эпохи барокко. При этом барочная стилистика «Аллилуйи» становится близка провокативной эстетике футуристов.

При всей близости к «цеховому» содружеству в «Аллилуйе» Нарбут выработывает свой «ультранатуралистический» стиль и стремится к созданию

своей художественной системы, которая явилась бы «чрезвычайно необходимым противоядием Брюсовщине (и Гумилеву)».

Натуралистический реализм Нарбута основывается на передаче реально ощутимых свойств бытия, исходящих от близкой человеку земной / земляной стихии, сочетающей в себе беспощадную трясину смерти с ликованием жизни. Выход первых поэтических книг, создавших эффект контрастного успеха, вводит имя Нарбута в число наиболее тенденциозных молодых поэтов.

Четвертый параграф «“Африканские» стихи”» выделяет эпизод творческой биографии Нарбута, подтверждающий особое положение поэта среди акмеистов. В противовес акмеистической изящности и глубокомысленной простоте Гумилева, Ахматовой, Мандельштама Нарбут предлагает иную, грубую изящность и простоту низких материй, вызывающих к вершинам духа. «Африканские» стихи лишены утонченных экзотических описаний, поскольку для поэта важно ощущение изначальности и таинственной постоянности мира. Его привлекает «виевская» сила чудесных метаморфоз плоти и духа.

Пятый параграф «От книги «Вий» (1913) к книге «Плоть» (1915)» отражает стремление «цензурно» отлученного от литературы Нарбута обобщить накопленный творческий потенциал и не утратить связь с ходом поэтической жизни России. В «Вие» пейзажные мотивы первой книги стихов соединяются с мифопоэтикой «Аллилуйи». Реалистичная описательность вкупе с метафизическими прозрениями, выявляющими внешние и внутренние сущности быта и бытия, позволяют поэту определить аксиологически значимые для него приоритеты. Земная / земляная стихия становится для Нарбута как первоосновой плотского бытования человека, так и универсальным стечением его материального и духовного начал. Поэтизация восходящей от земли энергии жизни и смерти определяет формирование концептосферы творческого наследия Нарбута.

Книга «Плоть» отмечена чувством кровного родства с жизненным миром, который представляет собой особую пластику изящной и корявой материи, наполненной грозным и одновременно торжественным великолепием ее зна-

чений. Через глазницы гамлетовского Йорика взирает поэт на мир, сочетающий тлен и распад с цветением и радостью плоти. Здесь Нарбут приходит к натурфилософской *идее жизненного равновесия*, согласно которой элементы бытия постоянно разнятся и согласуются между собой. Почувствовать незримый ритм этого процесса означает для поэта интенционально совпасть с ним, стать частью мировой гармонии, преодолеть в себе страх перед низкими проявлениями тленной плоти и утвердить их как необходимый этап на пути к новому преображению.

Осознание бытия как единого, близкого для плоти и души пространства подкрепляется мотивом подвижничества, странничества, пути. Вечное движение мира, видимые и скрытые процессы зарождения и умирания, происходящие в нем, Нарбут представляет в особой жанровой форме бытоэпоса. Сквозь завесу бытовой обыденности, повседневности и сиюминутности поэт просматривает потаенные сферы бытийного эпоса, движение вечных мировых сил. Это приводит Нарбута к идее миростроительства, основанного на созидательном и кропотливом труде. За картинами, отмеченными грубым реализмом и связанными с представлениями о гибели, затаившейся в любом живом существе, проступает мысль о неизбежном возвращении, воскрешении: неживое восстает из праха под воздействием одухотворенного труда.

В «Плоти» автор, совмещая библейскую тематику с античной, приходит к мифопоэтическому варианту виевой веры, тяготеющей к дохристианскому поклонению славян матери-земле. Поэт утверждает идею земного рая, зиждущегося на единении души человека и его материальной первоосновы. Основополагающей здесь становится парадигма *земля – плоть – прах (персть)*.

Земное бытие на самых разных уровнях провоцирует столкновение материи и духа, их метафизическое взаимодействие. И в обыденном, бытовом, и в сакральном, ведовском мире плоть взывает к вожделению, материальному насыщению, а душа – к неизъяснимому таинству любви.

Последовательное продолжение этих идей рассмотрено в **шестом параграфе «Вариации на тему любви в книге «Александра Павловна»**

(1922)». К натурфилософским представлениям Нарбута о движении плоти по миру и ее метаморфозах добавляется *осознание любви как ведущей «тяги» бытия*. Этот мотив поднимает мировосприятие поэта на высоту трагического лиризма в итоговой книге «Александра Павловна» (1922). Здесь Нарбут обобщает автохарактеристику поэтической личности, лирического «я», совершающего духовный прорыв сквозь свою ущербную плоть к принятию мира. Поэт приходит к пониманию того, что вечными метаморфозами бытия движет не просто природа (как в «Плоти»), а сама любовь.

Единственной силой, оправдывающей трагедию жизни, для Нарбута становится именно любовь, благодаря которой душа преодолевает инстинкт плоти к самосохранению, заменяя его стремлением к самоотдаче. Преодолеть в себе страх перед низкими проявлениями тленной плоти и утвердить смерть как необходимый этап на пути к новому преображению поэту помогает восприятие любви как жизнеобразующей силы бытия.

Вторая глава «Послереволюционный период деятельности В. Нарбута (1918–1938)» направлена на исследование «советского» этапа жизни и творчества поэта, связанного с его стремительным восхождением по служебной лестнице, назревающим творческим кризисом и трагической гибелью. В первом параграфе **«Общественно-политическая и литературная активность Нарбута в годы гражданской войны (1918–1921)»** рассматривается организаторская и издательская деятельность Нарбута в Воронеже (1918–1919), Киеве (1919), Одессе (1920), Харькове (1921) и его агитационная лирика этого периода. Особое внимание уделяется поэтическому осмыслению революции и гражданской войны в книге «В огненных столбах» (1918–1921), а также попытке Нарбута создать поэтическую автобиографию души в книге «Казненный серафим» (1916–1921).

Послереволюционный период творчества позволил Нарбуту реализовать не только давние творческие замыслы, но и проявить себя в сфере издательской деятельности. Воронежский и одесский периоды жизни станут для Нарбута отправной точкой его партийной карьеры.

1919–1920 гг. были для поэта временем «великого перелома» в его поэтическом сознании. В агитационных стихах Нарбута утверждается новая вера – вера в коммунистическое будущее. Прежние христианские святыни переосмысливаются поэтом в новом ключе и позиционируются как устаревшие, отмершие. Но такие социально-политические установки, рожденные атеистическими законами жанра советского агитстиха, не могут преодолеть библейский пафос, наполняющий книги «В огненных столбах» (1920) и «Казненный Серафим» <1925>.

В стихах революционного характера постоянно просматриваются мотивы прежней лирики Нарбута, утверждающей силу плоти, ее радость и торжество. При этом поэт улавливает общественное настроение революционного подъема и агрессии по отношению к врагу. Характерный для поэзии Нарбута образ крови обретает теперь зловещую актуальность. Поэт пытается понять творцов нового мира, но безоговорочно принять их мировоззрение он не может. Об этом свидетельствует важнейший для Нарбута *мотив совести, личной вины* за глобальную социально-политическую и нравственную перестройку народного самосознания.

Несмотря на искреннее стремление соединить акмеистическую поэтику с лирикой социалистической направленности, Нарбут осознает назревающий в его творчестве кризис. Переиздав всё то, что было написано им до революции и во время гражданской войны, поэт пытается найти в себе какой-то новый голос, свойственный новому темпу времени, новому мироощущению. Не уловив его, он замолкает фактически на десять лет. Молчание поэт предпочитает переделке, подстраиванию под идеологические установки.

Во **втором параграфе «Дела и «дело» В. Нарбута (1922–1938)»** представлен московский период и последнее десятилетие жизни и творчества поэта. В 1922 г. центр тяжести издательской и редакторской деятельности Нарбута переносится в Москву, куда он был переведен по линии административно-организационного управления Наркомпроса. Много сил Нарбут вкладывает в свое детище – издательство «Земля и Фабрика» (ЗиФ), основная задача

которого была связана с выпуском литературы, расширяющей кругозор советского читателя и формирующей его гражданское и общечеловеческое сознание. Помимо этого он редактирует журналы «30 дней», «Вокруг света», а также занимает пост заместителя заведующего отделом печати ЦК РКП (б).

Карьерный рост и разносторонняя деятельность в сфере литературных и печатных организаций вовлекают Нарбута в водоворот служебной жизни. Поэтическое сознание Нарбута было сформировано в атмосфере творческого содружества (сначала студентов, затеявших литературный журнал, а затем молодых поэтов, объединившихся на основе Цеха поэтов). В начале 20-х гг. Нарбут остается наедине с самим собой. И это в то время, когда вокруг возникает масса литературных группировок. В результате происходит столкновение Нарбута-руководителя и Нарбута-поэта. Активный политический деятель, признающий победу пролетарского искусства, не уживается с творческой личностью, не желающей сдавать свои прежние эстетические позиции. Это и приводит Нарбута к глубокому мировоззренческому кризису.

Идейные споры о новом понимании искусства и возникающие в результате этого писательские конфронтации втягивают Нарбута в круг окололитературных баталий и интриг. Поглощенный партийной и литературно-организаторской деятельностью, он поневоле попадает в течение сложного и неоднозначного социально-политического процесса, что приводит поэта к падению с высоты административной системы: неожиданно появляются свидетельства о том, что в деникинской контрразведке Нарбут письменно отрекся от своей большевистской деятельности. Инициатором «разоблачения» Нарбута предположительно является его идейный оппонент А.К. Воронский.

Оставшись не у дел, Нарбут вынужден был зарабатывать на жизнь случайной литературной работой. С этого времени начинается «замалчивание» не только литературной и издательской деятельности Нарбута, но и его фигуры в целом.

Отставка Нарбута спровоцировала его обращение к жанру научной поэзии. Развивая гастрономическую и анатомическую тематику, поэтизируя профессии, связанные с перспективами развития народного хозяйства, вос-

хваляя технические возможности и их влияния на трудовое воспитание советского человека, Нарбут не смог избежать зависимости от идеологического пафоса советской поэтики. Отстраняясь от метафизического постижения бытийных метаморфоз, поэт приходит к естественнонаучному, рациональному взгляду на мир.

Полагаясь на проведенную в 1922 г. редакцию дореволюционных произведений, Нарбут в 1934–1936 гг. предпринимает попытку издать книгу своих избранных стихотворений «Спираль». Особый интерес представляют здесь стихи 30-х гг., в которых заметно стремление поэта найти выход из творческого тупика¹². В поздней лирике Нарбута заметно предощущение творческого прорыва, осуществиться которому помешают трагические реалии суровой исторической эпохи.

Неожиданно попав в ряды «контрреволюционеров» и погрузившись в тяжелые испытания лагерной жизни колымского края, Нарбут ощутил – вот трагический парадокс! – давно неведомое дыхание поэтической независимости. Новые стихи нельзя было записать, но их можно было запомнить. И главное, на холодном побережье бухты Нагаево сознание поэта было абсолютно свободно от необходимости оглядываться на соцреалистические параметры и идеологические установки. Живущие в памяти строфы никто, кроме самого поэта, не мог идейно откорректировать или подвергнуть цензурной правке. Эту поэзию, из которой до нас дошла лишь одна строфа, никто не мог запретить.

В заключении, где подводятся итоги проведенного исследования, определяются и перспективы дальнейшей работы. Изучение творческой биографии и систематизация сведений о жизни и философских, эстетических и общекультурных установках писателя, позволяют обозначить творческую эволюцию и обратиться к подробному исследованию его художественного мира. Осмысление обширного массива биографических фактов, выявление основ-

¹² Эти стихотворения в первом российском издании избранных произведений объединены в раздел «Косой дождь».

ных и малоизвестных текстов, созданных писателем, дает возможность объективно реконструировать своеобразие общекультурного контекста целой эпохи.

Уникальность культурной и духовной личности В. Нарбута неоспорима. Интерес к его имени и наследию, несмотря на длительное идеологическое замалчивание, становится все более ощутимым. Его творчество требует дальнейшего осмысления. Поэтика его книг нуждается в подробном анализе идейно-образной, тематической и языковой направленности. Большие перспективы имеют здесь вопросы стиховедческого и лингвистического плана. До сих пор не оценена деятельность Нарбута как критика, редактора и одного из основателей печати в советской России. Абсолютно неизученной остается его художественная проза. Интересен также вопрос о влиянии эстетического направления, заданного творчеством Нарбута, на дальнейшее развитие русской поэзии.

Наше исследование – лишь первый этап на пути к изучению творческого наследия поэта. Эта работа создает основу для более полного историко-литературного исследования, которое позволит углубить наше представление не только о личности художника, но и об историко-культурной и общественно-литературной картине XX в.

СПИСОК РАБОТ, ОПУБЛИКОВАННЫХ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

Статья, опубликованная в ведущем рецензируемом научном журнале, рекомендованном ВАК РФ:

1. Миронов А. В. Духовные стихи Владимира Нарбута / А.В. Миронов // Известия Урал. гос. ун-та, 2007. – № 49. Гуманитарные науки. Вып. 13. – С. 232–241.

Статьи и тезисы, опубликованные в других научных изданиях:

1. Миронов А. В. «Муза с совестью...» (О Музе Владимира Нарбута) / А.В. Миронов // Сборник научных трудов аспирантов и соискателей НТГПИ / Отв.ред. С.А. Ноздрин. – Нижний Тагил: Нижнетагильский гос.пед.ин-т, 2000. – С. 23–25.
2. Миронов А. В. Жизненный мир в поэтическом воплощении Владимира Нарбута / А.В. Миронов // Пушкинские чтения – 2001: Материалы

- межвузовской научной конференции 6 июня 2001 г. / Ред.коллегия: В.П. Проничев, Т.В. Мальцева, И.А. Манкевич. – СПб: Ленинградский государственный областной университет им. А.С. Пушкина, 2001. – С. 41–48.
3. Миронов А. В. Мировоззренческая платформа акмеистов / А.В. Миронов // Сборник научных трудов аспирантов и соискателей НТГПИ. Вып. 2. / Науч.ред. С.А. Ноздрин. – Нижний Тагил: Нижнетагильский гос.пед.ин-т, 2001. – С. 41–45.
 4. Миронов А. В. Тактика эпатажа в русской литературе XX века: «эстетика безобразного» в поэзии В.И. Нарбута / А.В. Миронов // Литература в контексте современности: Тезисы международной научно-практической конференции / Отв.ред. Л.И. Будникова. – Челябинск: Издательство ЧГПУ, 2002. – С. 155–158.
 5. Миронов А. В. О влиянии некоторых философско-художественных идей на формирование поэтического мировоззрения В. И. Нарбута / А.В. Миронов // Изучение творческой индивидуальности писателя в системе филологического образования: профильные классы: Материалы XI Всероссийской научно-практической конференции «Изучение творческой индивидуальности писателя в системе филологического образования: наука – вуз – школа». Екатеринбург, 24–25 марта 2005 г. / Урал.гос.пед.ун-т; Институт филологических исследований и образовательных стратегий «Словесник». – Екатеринбург, 2005. – С. 76–81.
 6. Миронов А. В. Роль эстетических принципов предсимволистской поэзии в становлении художественной системы В. Нарбута / А.В. Миронов // Система и среда: Язык. Человек. Общество: Материалы Всероссийской научной конференции, Нижний Тагил, 4–5 апреля 2005 г. / Отв.ред. В.П. Конева. – Нижний Тагил: Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия, 2005. – С. 118–121.
 7. Миронов А. В. Воздушная и водная стихия в первой поэтической книге В. Нарбута «Стихи» (1910) / А.В. Миронов // Пушкинские чтения – 2005: Материалы X международной научной конференции «Пушкинские чтения» (6 июня 2005 г.) / Под.ред. Т.В. Мальцевой. – СПб: Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина, 2005. – С. 262–268.
 8. Миронов А. В. Петербург в ранних стихах Владимира Нарбута / А.В. Миронов // Сборник научных трудов аспирантов и соискателей НТГСПА. Выпуск 9 / Науч.ред. С.А. Ноздрин. – Нижний Тагил: Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия, 2006. – С. 79–85.
 9. Миронов А.В. Своеобразие идейного замысла поэтической книги В. Нарбута «Аллилуйя» (на примере стихотворения «Пьяницы») / А.В. Миронов // Филологические записки / Сб. ст. под ред. А. М. Новожиловой; Рос. гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена. СПб., 2007. – С. 74–79.